

Чэн Лан вдруг осознал, что его прежние догадки были глупыми, и все предположения о крутом парне постепенно разваливались, что вызывало у него лёгкую усмешку.

Кроме того, в нём возникло странное чувство новизны.

Очевидно, что в семье сестры-Ракушки такой сын не мог вырасти.

Он начал испытывать любопытство к этому загадочному парню.

После урока китайского языка последовали два урока политики. На этот раз учитель китайского, к удивлению, не затянул занятие, и как только прозвенел звонок, бабушка на кафедре быстро объявила конец урока, словно у неё были срочные дела, и первой вышла из класса.

Ученики не сразу поняли, что произошло, и на пару секунд в классе воцарилась тишина. Затем кто-то свистнул, и весь класс взорвался смехом, наполнив помещение шумом и оживлением.

Представитель класса по политике достал из рюкзака учебник для следующего урока и, размахивая хвостиком, вышел из класса, чтобы найти учителя политики.

Девочка прошла мимо Цзян Дуна, и что-то в её кармане громко шуршало. Цзян Дун, который как раз повторял текст урока, нахмурился от шума и, подняв глаза, увидел, как последний хвостик исчез за дверью.

Внутри него вдруг поднялось раздражение, и он тихо цыкнул, прекратив повторение, и задумчиво уставился на дверь, уже представляя в голове видеозапись.

Вот она, шумная перемена, ученики, занимающиеся каждый своим делом: кто повторяет уроки, кто решает задачи, а кто, поглядывая на дверь, чтобы не застал учитель, тайком играет на телефоне. Камера приближается, снимает включённый мультимедийный проектор и текст «Прощального письма» на экране, затем поворачивает направо, останавливается у двери, выходит в коридор, где по обеим сторонам стоят ученики: кто-то бежит, кто-то толкается, а кто-то украдкой целуется...

— Дунцзы!

Стол вдруг дёрнулся.

Цзян Дун прервал свои размышления, слегка приподняв веки:

— А?

Чэнь Чжэньюй поправил очки и посмотрел на соседнее место. Ван Пэн вышел сразу после звонка, вероятно, чтобы успеть покурить за общежитием для преподавателей. Сюй Фэй тоже отсутствовал — он не курил, возможно, пошёл в туалет.

Чэнь Чжэньюй сказал:

— Скоро экзамен, дай списать. Я только выберу и заполню пропуски, а с задачами сам разберусь.

Цзян Дун поднял бровь:

— Откуда ты знаешь, что будет экзамен?

— Ну, это же очевидно! Каждый вторник на уроке политики экзамен, в среду проверяют, а потом до следующего вторника разбирают. Ты что, не заметил этой закономерности?

Цзян Дун наклонил голову, подумал и честно ответил:

— Нет, мы, отличники, на такое не обращаем внимания.

Чэнь Чжэньюй вздохнул:

— Ну ладно, как хочешь. Дай списать, ладно? Выбор и заполнение пропусков, выбор and заполнение.

Цзян Дун посмотрел на него, убедившись, что тот говорит серьёзно, и наконец вздохнул, с ноткой снисходительности в голосе:

— Ладно, я тебе тоже открою один секрет.

Чэнь Чжэньюй удивился:

— Ну, говори.

Цзян Дун:

— В экзаменах по политике нет заданий на заполнение пропусков.

Чэнь Чжэньюй открыл рот, но ничего не сказал и просто молча развернулся.

— И ещё, — Цзян Дун похлопал его по стулу, — не дёргай стол.

Чэнь Чжэньюй на секунду замер, затем кивнул:

— Ты главный, как скажешь.

— Ага.

Едва их разговор закончился, снова раздалось шуршание.

Цзян Дун откинулся на спинку стула, его безразличный взгляд скользнул к двери. И действительно, через три секунды представитель класса по политике снова вошёл, размахивая хвостиком, с рулоном экзаменационных листов в руке.

Цзян Дун удивился, неожиданно подняв бровь. Если бы не напоминание Чэнь Чжэньюя, он бы и не заметил, что каждую среду на уроке политики действительно проводят экзамены.

Школа при университете была именно такой — с первого дня в старшей школе над твоей головой словно висел холодный клинок, экзаменационные листы сыпались как снег, учителя сыпали словами, а ученики, теряя силы, постоянно чувствовали давление приближающегося гаокао. Малейшее расслабление вызывало волну паники, напряжения и тревоги.

Цзян Дун с иронией посмотрел на экзаменационный лист, который уже лежал перед ним. Как всегда, аккуратный чёрный шрифт, четыре страницы, с обеих сторон, задания на выбор и вопросы для размышления.

Так как ещё не начался курс по общественным наукам, история, география и политика были разделены, и каждый экзамен оценивался в сто баллов.

Ещё не прозвенел звонок, а экзамен уже начался.

Когда учитель политики с термосом в руке неспешно вошёл в класс, Цзян Дун как раз закончил первые тридцать шесть вопросов на выбор и переворачивал лист.

Неосознанно его взгляд скользнул на чью-то фигуру, и он поднял голову, окинув взглядом.

Новый учитель политики был ровесником Чэн Да.

Двоюродные братья, сестры, одноклассники, друзья или возлюбленные?

Какие между ними отношения?

Заметив его взгляд, Люй Яньлинь, сидевшая за кафедрой, подняла глаза.

Цзян Дун невозмутимо отвел взгляд. Первый вопрос на размышление был по философии.

«Человек не может дважды войти в одну и ту же реку». Объясните, используя «Философию жизни», и приведите пример из реальной жизни... Возможно, они двоюродные брат и сестра, учитель политики выглядит моложе Чэн Да, исключаем вариант с братом и сестрой... Ответ: это утверждение подчёркивает абсолютное движение мира, отрицая относительный покой... Они не похожи, значит, не брат и сестра, возможно, одноклассники или друзья. Как они познакомились? Может, сначала были одноклассниками, а потом стали друзьями... Движение абсолютно, вечно и безусловно, покой — это особое состояние движения, относительное и временное... Возлюбленные? Раньше были одноклассниками в университете, а теперь возлюбленные? Чэн Да уже работает, значит, они вместе уже довольно долго...

— Дунцзы!

Стол снова дёрнулся. Чэнь Чжэньюй откинулся назад, тихо позвав его.

— Выборы!

Учитель политики был лет двадцати шести или двадцати семи. Если его предположения верны, то они вместе уже как минимум четыре года...

— Дунцзы!

Стол снова дёрнулся.

Таким образом, утверждение «Человек не может дважды войти в одну и ту же реку» ошибочно... Уже четыре года, в этом возрасте и с таким сроком отношений они, вероятно, уже могут пожениться...

Чэнь Чжэньюй снова откинулся, прижавшись к спинке стула, и повысил голос:

— Дун! Цзы!

Щёлк.

Звонкий звук.

В тихом классе многие, уткнувшиеся в свои работы, подняли головы и посмотрели на Цзян Дуна.

Тот с раздражением уставился на ручку, которую только что швырнул на стол. Чэнь Чжэньюй, испугавшись этого шума, замер, решив, что разозлил его, и больше не осмелился говорить. Под взглядом учителя политики он смущённо отодвинулся и, взяв ручку, сделал вид, что глубоко задумался.

Запах сигарет, который всё ещё не выветрился от Ван Пэна, смешался с каким-то непонятным ароматом духов, вызывая зуд в носу Цзян Дуна.

Он изначально не писал экзамен, просто копировал ответы Цзян Дуна на задания с выбором, а остальное оставил пустым.

Ван Пэн, который до этого играл на телефоне, теперь тоже посмотрел на него, наклонившись и тихо спросил:

— Что случилось? Почему ты вдруг разозлился? Задания слишком сложные?

Цзян Дун не ответил. Люй Яньлинь, которая уже встала за кафедрой, произнесла:

— Ван Пэн.

Тот сразу выпрямился:

— А? Что?

— Если хочешь спать, спи, но не мешай другим.

Едва она закончила, Сюй Фэй и Чэнь Чжэньюй, сидевшие впереди, начали трястись, сдерживая смех.

Их одноклассник, сидевший рядом с Ван Пэном, тоже начал смеяться, изо всех сил сжимая губы, но смех всё равно вырывался наружу. Чем больше он старался сдержаться, тем сильнее смех превращался в «пук-пук-пук».

Не непрерывный, а именно: пук, пук, пук.

Ван Пэн наклонился и злобно посмотрел на него:

— Ну и пук у тебя получился!

Он думал, что говорит тихо, но на самом деле его слова услышал весь класс.

Раздался взрыв смеха.

Цзян Дун тоже слегка улыбнулся, взглянув на самый простой вопрос на размышление, который он написал как попало.

Последний урок дня был самостоятельной работой. Цзян Дун уже выполнил все задания на сегодня, и на самостоятельной работе он хотел решить несколько задач из сборника «Пять-три», но как только прозвенел звонок, его телефон в ящике стола начал сильно вибрировать. Если бы в классе было тихо, ситуация повторилась бы, как утром, но ученики всё ещё были в плену перерыва, болтая и возвращаясь на свои места, поэтому гул вибрации остался незамеченным.

Цзян Дун положил ручку, наклонился и достал телефон, взглянув на экран.

<http://bllate.org/book/15499/1374840>